

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 1. Буэнос-Айрес, январь 2007

*С Рождеством Христовым!
С новым годом!*

Соборный строй

Отличительной характеристикой русской государственной идеи, помимо стремления к религиозно и этически **ограниченной** монархии, было сознание, что **полноценность** самой монархии достигается лишь если она **венчает** собой **органическую структуру всех** общественно-политических **учреждений**.

Полнота монархии заключалась в совместном ее действии с остальными общественно-политическими органами, как центрального, так и местного характера. Само происхождение монархической над-племенной власти на Руси является актом дополнения к уже существующим политическим учреждениям (вече, выборные тысяцкие, посадские и другие военные и городские власти, совет старейшин и. т. д.), **при уже существующим праве** («Реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву»). Эта общая схема власти, присущая не только славянам, но и другим индоевропейским народам, развивалась на Руси не всюду одинаково, но основные ее черты присущи всем историческим этапам и вариантам нашего государственного развития, до конституционных отклонений во времена и после Петра Первого. (Именно **отклонений**, а не реформ, потому что Петр Первый никогда формально не отменял Земский Собор, а просто не созывал его, так что даже можно предполагать, что эти отклонения он считал временными. Именно благодаря отсутствию Земского Собора стали возможными все те несерьезные и часто меняющиеся реформы высшего государственного управления в период временщиков и сразу после них, которые лишь частично были окончательно преодолены во времена императора Павла Первого, вернувшего также и легитимность наследственного права высшей власти, своим законом о престолонаследии).

Будь то вече, рада, круг или Земский Собор, будь то Господский совет, старшая дружина или Боярская дума, на Руси существовали элементы как обще-народной, так и **отборной** власти, которые неизменно сопровождали сначала княжескую, а затем и царскую власть, образуя вместе с ней одно целое. Рядом всегда стояла церковная власть, в

виде Епископата или Церковного Совета, которые не вмешивались в саму политику, но принимали участие в решении **судьбоносных**, принципиальных и трансцендентных вопросов. Эта органическая структура дополнялась судебными и административно-управительными властями, одновременно и параллельно как назначаемыми сверху, так и избираемыми снизу:

«Оба источника правительственных полномочий – общественный выбор и правительственный призыв по должности – не противопоставались друг другу, как враждебные начала, а служили вспомогательными средствами друг для друга. Когда правительство не знало, кого назначить на известное дело, – оно требовало выбора, и наоборот, когда у общества не было, кого выбрать, оно просило о назначении» (В. Ключевский).

Однако и *«всякие правители, назначаемые в города и волости, не могли судить дел без общественных представителей. Наконец, по всем вообще делам народ имел самое широкое право обращения к государю»* (Л. Тихомиров).

Это и есть **соборный строй**, характеризующийся не только круглой полнотой и цельностью всей структуры власти, в которой **соучаствуют народные, аристократические и монархические** элементы, но и отличающийся широким применением **выборного начала**, особенно для **местного самоуправления**, а также и принципиальным сохранением древнего плебисцитарного начала для решения особо важных государственных вопросов.

Этот соборный строй шире и глубже чистой монархии. Больше того, он являлся на Руси ее основой и поддержкой. Когда этот соборный строй, пополняемый из сочетающихся народных и отборных властей, при симфоническом соучастии Церкви, перестал действовать после Петра Первого, царская власть непомерно себя отяготила **всеми** государственными функциями, одновременно ослабив себя чрезмерно, так как не имела больше поддержки ни Патриарха, ни Земского Собора, ни Думы. Наоборот, соборный строй, даже без монарха, как это было в 1611-1613 годах, и как это было довольно долго у казаков, в конечном итоге всегда органически стремился дополнить и увенчать себя монархическим возглавлением. Куцая же монархия, лишенная всякой соборной структуры, в конечном итоге обречена на гибель, несмотря даже на все личные достоинства самих монархов. Так что первым шагом для уничтожения нашей монархии было уничтожение соборного строя. Кроме того, исторически было трагическим заблуждением требовать от **одного** монарха, чтобы он действовал как **весь** соборный строй.

В свою очередь, уничтожение соборного строя началось с отрицания народного начала в государственном строе. Таким образом, можно, резюмируя, сказать, что если наша монархия зиждилась на соборном строе, сам этот соборный строй, в свою очередь, зиждился на **народном начале**. Д. А. Хомяков, сын известного мыслителя А. С. Хомякова, в переизданном в 1982 году исследовании «Православие, самодержавие, народность», так описывает этот исторический процесс искажений нашего государственного строя:

*«Такое фактическое (и властное) отрицание народности у нас выразилось и в искажении самого строя государственного подтасовкой (бессознательной) абсолютизма на место самодержавия. Сначала это был абсолютизм чистый, а потом он превратился, вместе с появлением на Западе бюрократизма, в **абсолютизм бюрократический**; и это вместо исконного Сборного Самодержавия! Из этого постепенно истекли все искажения, которые коснулись и церковного строя, в котором соборность тоже была упразднена и заменена лже-соборной синодальностью, перешедшей тоже в церковный бюрократизм...»* (стр. 278).

Соборный строй относится не только к чисто политическому устройству, но имеет отношение ко **всему общественному порядку**. Западная политическая мысль, с характеризующим ее рвением к расчленению на части, отделила политические функции не только от моральных, но и от общественных, отличаясь этим не только от нашего русского мировоззрения, но и от древне-греческого, продолжателем которого она себя так

кичливо считает. Ибо «полис» не только «государство», но **общество с государственной оболочкой**. В государстве действует писаное положительное право, но оно опирается на неписаное обыденное право самого общества и на его мораль или этику, то есть на его **нравы**. Эти над-юридические общественные нормы определяют также и социально-экономическую структуру государства, в наши дни получающую все большее значение, в ущерб чисто политическим формам.

Многие современные мыслители обращают внимание на то всеобщее явление в современном мире, которое можно кратко охарактеризовать как чрезмерную концентрацию капитала в руках: либо государственной бюрократии, либо **финансовой олигархии**. Как олигархический, так и бюрократический капитализм несовместимы с соборным строем, ибо они не только нарушают его принципиальную основу, путем неуравновешенной концентрации реальной силы в руках монополистических, никем не выбранных, меньшинств, противопоставляющих себя и свои интересы всему обществу и общественным интересам, но и нарушают и ущемляют в той или иной мере экономическую свободу в рамках общества.

Соборный строй, в наш век сильного технологического и экономического развития, должен развивать и обеспечивать современными способами свою изначальную общественно-экономическую суть: ограничение государственного вмешательства в общественные дела до функционального минимума и обеспечение в обществе настоящей экономической свободы, наряду с политической. В первые века своего государственного существования, то есть до исторических травм, вызванных нашествием татар и агрессией Запада, на Руси существовала широкая рыночная экономическая свобода. Эта свобода должна быть восстановлена соборным строем. Одновременно государство должно посвятить себя своим специфическим функциям, еще в древности определенным как: оборона, правовой порядок и публичные работы («война, суд и дороги» - говорит Тит Ливий, что затем подтверждает и Маккиавелли). Но государство должно оберегать свободу на рынках не только от внешних факторов, которые ее могут нарушить, но и от внутри-рыночных гнойных нарывов, ведущих к тем же нарушениям. Эта свобода возможна лишь при обеспечении частной собственности на землю и на средства производства (за исключением «обороны и публичных работ»). Границы частной собственности должны лишь охранять общество от возникновения **олигархов и пролетариев**. **Максимальное** количество собственников, в свою очередь, обеспечивает политическую устойчивость всего строя. Беспочвенные идеологии в России могут существовать лишь при крестьянстве без почвы.

Нет политической свободы без хозяйственной свободы, и через потерю хозяйственной свободы теряется и политическая. Уже Аристотель обратил внимание на то, что государству нужна хорошая «экономика», то есть **«домо-хозяйство»**, но весьма вредна «хрематистика», то есть **«деньго-хозяйство»**, особенно в том, что касается накопления богатств (то есть капитала), путем наживы на процентах при помощи отвлеченных **финансовых махинаций**. В наши дни эти махинации достигли поистине чудовищного изощрения, путем выдумывания самых сложных инструментов искусственного контроля над почти что всеми ресурсами отдельных стран.

Поощряя частную собственность и хозяйственную свободу, соборный строй никак не может допустить против-соборной финансовой концентрации экономической мощи страны, в узких и, зачастую, анонимных кругах олигархов-монополистов. Всякий капитализм – против-соборен.

Западная политическая мысль, в лице своих наиболее способных представителей, конечно, понимает сама, что ее развитие уже фактически исчерпано. И, как это всегда наблюдалось на подобных исторических этапах упадка и иссякания, делаются энергические попытки продлить насколько возможно, если не спасти, существующий порядок, путем того, что принято называть **«синкретизмом»**. Параллельно со страстными заклинаниями о «единственности демократии», делаются попытки разных механических смешений между двумя под-системами: между олигархическим капитализмом и

бюрократическим социализмом, как будто что-то **среднее между двумя болезненными состояниями** является здоровьем. Эти попытки и стремления к синкретическому смешению, свидетельствующие не только об упадке системы, но и о бесплодности самой политической мысли, не способной найти настоящие выходы в рамках этой системы, можно разделить на две группы: разные комбинации между формальной политической свободой и экономической несвободой (особенно в западных странах при социалистических правительствах) и просто слияние (конвергенция) двух под-систем.

Соборный строй шире, глубже и **полнее** всякой демократии, так как соборность не только согласовывает волю большинства с волей меньшинств, но и расширяет это согласие во времени, то есть и на предыдущие поколения, политической волей которых никакой народ не должен полностью пренебрегать. Так как и будущие поколения смогут признать наши сегодняшние решения, только лишь если эти последние будут считаться с тысячелетней исторической волей нашего народа и нашей страны.

Буэнос Айрес, 1983 г

(Передовица газеты «Наша Страна» №1718, от 25 июня 1983 г.).

И. Н. Андрушкевич

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 1. Буэнос-Айрес, январь 2007 года.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Издается на правах рукописи.

При использовании материалов ссылка на источник обязательна.

Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com